

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Статья посвящена изучению демографических катастроф в первой половине XX в. в контексте трансформации этнокультурного пространства Кыргызстана. Актуальность выбранной проблемы обусловлена тем, что до сих пор вне поля зрения остаются этнодемографические аспекты развития страны. Оценку истории Кыргызстана в российско-советский период целесообразно осуществлять в человеческом измерении. Проводимые реформы обуславливали особенности формирования этнокультурных локальных сообществ и непосредственно влияли на демографическую ситуацию. В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа опубликованных и архивных источников, материалов учета населения с использованием экстраполяционного метода было установлено, что демографические потери среди киргизского населения в 1918–1920 гг. превышали численность потерь от Уркун; в начале 30-х гг. XX в. голод на региональном уровне имел такие же масштабы, как на Украине и Поволжье. Использование метода возрастных передвижек в ретроспективе к материалам переписи населения 1979 г. позволило выявить величину естественного прироста киргизов с 1939 по 1959 гг., сделать вывод о том, что потери среди всего населения Кыргызстана в военные и послевоенные годы понесло, главным образом, коренное население республики.

Ключевые слова: Кыргызстан, демографическая катастрофа, этнокультурное пространство, XX век, голод, киргизы

В истории Кыргызстана особое внимание привлекает первая половина XX столетия, когда осуществлялись, как и в других союзных республиках, коренные социально-политические, экономические и культурные преобразования. В то же время эти изменения имели свои отличия, обусловленные тем, что северная часть Кыргызстана стала эпицентром восстания 1916 г. с последующим исходом киргизов в Китай — Уркун. Осуществление массового оседания полукочевых хозяйств киргизов за короткий срок привело к разрушению веками сложившейся инфраструктуры в крае. Сегодня, когда идет переосмысление пройденного пути, разрабатываемые научные концепции во многом противоречивы, иногда полярны в оценках. Одной из главных причин такого состояния, как и в советские годы, является исследование истории республики российско-советского периода лишь в контексте политических, социальных, экономических и культурных процессов, оставляющее при этом вне поля зрения демографические факторы и не учитывающее природно-географических особенностей. А поскольку

¹ ©Батырбаева Ш. Д. Текст. 2018.

биосоциальная сущность человека в значительной мере определяла специфику социального и экономического развития региона, то демографическая ситуация, территориальное размещение и перераспределение населения определяли те генеральные тенденции, в рамках которых формировались этнокультурные локальные сообщества. Для реконструкции этнокультурных локальных сообществ необходимо провести всесторонний многомерный анализ, выявить их внутреннюю сущность и раскрыть закономерности функционирования.

В настоящей статье будут рассмотрены демографические катастрофы в Северном Кыргызстане в 1916–1917, 1932–1933 и 1941–1947 гг. в контексте трансформации этнокультурного пространства. В исследовании данной проблемы будем опираться на разъяснение В.А. Исупова о дефиниции «демографическая катастрофа», согласно которому данный термин количественно характеризуется отчетливо выраженными депопуляциями за счет резкого увеличения смертности и неотъемлемой чертой демографической катастрофы является резкое падение численности населения [4. с. 9–10].

В кыргызстанской историографии достаточно хорошо исследована демографическая катастрофа в результате восстания 1916 г. — «Великого Исхода Уркун». Исследователями называются разные цифры, оценка потерь среди киргизского населения колеблется от 38 тыс. чел. до 150 тыс. чел. Так как численность проживающих в Северном Кыргызстане киргизов не превышала полумиллиона, эти расхождения не очень существенны и до сих пор остаются предметом острой дискуссии [2. с. 40–45]. Согласно нашим результатам, величина демографических потерь в северной части Кыргызстана составила среди коренного населения 10–12 % от проживающих (38–42 тыс. чел.), а среди переселенческого населения свыше 2000 чел., то есть 5 % [2. с. 46–47].

На наш взгляд, чтобы выявить истинные масштабы разразившейся демографической катастрофы, следует исследовать в контексте особенности этнокультурного пространства Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Северного Кыргызстана. Поскольку оно в начале XX в. начало приобретать ячеисто-мозаичные признаки, объединяя на одном географическом пространстве представителей совершенно разных национальных культур. Находясь под большим или меньшим влиянием друг на друга, проживающие в регионе народы в различной степени начали вступать во взаимодействие. В течение полувека после вхождения в состав России населенные пункты здесь появились в основном вдоль трассы и недалеко от уездных центров. Их возникновение было обусловлено, главным образом, необходимостью налаживания сообщения центра с периферией, обеспечения безопасности границ. В ходе столыпинской реформы населенные пункты образовывались исходя из удобного ландшафта к земледелию за счет оттеснения коренного населения от традиционных зимовок в предгорье. Появились моно- и полиэтнокультурные локальные территории. В

результате социально-психологическое ощущение границ этнического пространства киргизов перестало совпадать с формально организованными границами. Такое расширение приводило к появлению скрытой агрессии с обеих сторон, особенно в долинных районах Северного Кыргызстана — в Чуйской долине и прибрежной зоне Иссык-Кульской котловины. Анализ размещения зимовок откочевавших в Китай киргизов показал, что главные причины конфликтов, открытого вооруженного столкновения между переселенцами и местным населением коренились в особенностях формирования этнокультурного пространства. Эти факторы обусловили территориальный охват восстания 1916 г. Его эпицентры в основном находились в полиэтнокультурных локальных территориях, а Уркун охватил и моноэтнокультурные пространства. Вследствие этого в ходе восстания были уничтожены и разорены переселенческие населенные пункты, перекочевали и ушли в Китай жители большинства киргизских волостей. И краевая власть одним из путей преодоления последствий восстания 1916 г. планировала кардинальным образом изменить этнокультурное пространство Северного Кыргызстана путем создания «обособленной от киргиз территории с русским населением не только в границах этнографических, но и географических», и для этого было предложено выселить киргизские семьи из района озера Иссык-Куль, Пржевальского уезда и части Чуйской долины Пишпекского уезда, долины Кемина и переселить в горные районы Тянь-Шаня, образовав Нарынский уезд и оставив Пржевальский уезд с чисто русским населением [6, л. 5]. Планировалось оставить в Нарынском уезде бежавшие сюда 9325 киргизских хозяйств из Пржевальского и 3846 хозяйств из Пишпекского уездов, а также переселить еще 37355 киргизских хозяйств [6, л. 6]. Согласно установленному среднему размеру семьи 5,1 чел., получалось, что к смещению подверглись бы 190510 киргизов. Хотя реализовать данный проект в полной мере в условиях войны было невозможно, но само это намерение краевой власти привело бы к углублению разрывившейся в результате восстания катастрофы. За столь короткий период свыше 257 тыс. чел. вынуждены были бы оставить традиционно обжитые пространства, оторваться от привычного образа жизни, привыкать к суровым условиям горной местности, кардинальным образом изменять хозяйственно-культурный тип. Февральская революция приостановила намерение краевой администрации, а с победой Октябрьской революции данный проект не только был отменен, но и были приняты специальные меры для возвращения и обустройства беженцев-киргизов.

В этом плане следует обратить внимание на то, что до сих пор в кыргызстанской историографии вне поля зрения остаются масштабы демографической катастрофы в 1917–1922 гг., главными причинами которой было обездоленное положение беженцев-киргизов, жертвы насильственных смертей, голод, джун, гибель вследствие эпидемий инфекционных болезней [7, с. 375]. Об этом подробно излагалось в докладе капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба Верховного

Главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане: «Небывало суровая зима 1917–1918 года отняла у населения до 75 % всего скота, который у киргиз является единственным кормильцем. Киргизы дошли до того, что продавали своих детей в рабство, главным образом девушек. За 100–200 рублей молодая девушка, часто еще ребенок, отдавалась на растление. Советская власть стала принимать меры в борьбе с голодом. Организовывались по кишлакам общественные столовые, питательные пункты и проч.» [3. с. 20–21]. На сегодня наши исследования показали, что снижение численности киргизского населения установлено Г.К. Кронгардтом в пределах 96114 [5. с. 52], из которых около 60 тыс. приходится на 1918–1920 гг. Об этом косвенно свидетельствуют воспоминания бывшего премьера Туркестанской автономии и бывшего члена правительства «Алаш-Орды»: «В результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане умерло, по советским источникам, 1 млн 114 тыс. коренных жителей» [8. с. 28].

Следующая демографическая катастрофа 1932–1933 гг., произошла в ходе коллективизации сельского хозяйства и массового оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Она охватила равнинные районы Чуйской и Таласской долин и Иссык-Кульской котловины [1. с. 177–185]. Проявилась начальная фаза негативной тенденции в демографическом развитии в результате политики необоснованно завышенных планов заготовок сельскохозяйственных продуктов, хода коллективизации и процесса оседания. В 1932–1933 гг., несмотря на снижение планов сельскохозяйственных заготовок, в результате не только ошибочной политики государства по отношению к крестьянству, но и природных катаклизмов (джута, неурожая) обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов оказались непосильными, что усугубило тяжесть и без того плохого положения сельских жителей. Распространение массовых инфекционных болезней и мобилизация для завершения первой пятилетки всех ресурсов, включая людские, привели к повышению смертности. По всей республике наблюдался скрытый голод, а наиболее сильные его проявления с большими человеческими потерями были в долинных районах Таласа, Чуя, частично в Иссык-Кульской котловине, так как именно они несли основную нагрузку в реализации планов по заготовке хлеба, не имели специальной льготной разрядки по снабжению хлебом, которая распространялась только в отношении животноводческих и хлопководческих районов республики. Голод, имевший место в Чуйской и Таласской долинах, частично в Иссык-Кульской котловине, носил такой же, как и в Казахстане, угрожающий характер. В этих районах также в основном размещались мигрировавшие из-за голода жители Сибири и Казахстана. Это усугубляло не только тяжелое положение по обеспечению хлебом местного населения, но еще и приводило к распространению эпидемических заболеваний, которые, как известно, дают всплеск в такие неблагополучные годы. И, наконец, именно с территории этих регионов из-за близости к центральным трассам

осуществлялся беспрепятственно незаконный вывоз хлеба. На основе нашего ранее проведенного исследования, общие демографические потери за 1933 г. составили 35,6 тыс. человек, при отдельном рассмотрении во Фрунзенской области потери вследствие голода составили 16,5 %, в Иссык-Кульской — 5,2 %. В Тянь-Шаньской области за счет однородности этнокультурного пространства и хозяйства — скотоводства киргизы избежали массового голода, среди них сверхсмертность не наблюдалась. В целом за рассматриваемый период демографические потери киргизского населения республики составили 4,1 %, снизив естественный прирост за 1933 г. на 2,5 %.

Следующая демографическая катастрофа разразилась в годы Великой Отечественной войны. В начале войны в республике проживали 1615,8 чел., из них на фронт были мобилизованы 363 тыс. чел. Среди мобилизованных погибшие составили свыше 160 тыс. чел., то есть 10 % от всего населения республики. Последствия войны катастрофически сказались на демографических процессах, вследствие чего величина косвенных демографических потерь (недород) для Кыргызстана была также значительна, как и убыль среди тылового и мобилизованного населения.

Как и во всех республиках Союза, среди гражданского населения резко возросла смертность, прежде всего, младенческая. На повышение смертности социальные факторы оказали более значительное влияние, чем биологическим компонентом. Шло резкое ухудшение социально-экономических условий жизни населения, в первую очередь, за счет снижения обеспечения продовольственными товарами и увеличения физической нагрузки, приводившим к истощениям. Кроме того, резко сократилось снабжение лекарственными препаратами. Все это вызвало новую волну эпидемических болезней. С 1941 г. по 1945 гг. ежегодный прирост за весь рассматриваемый период снизился в среднем на 76 %, а в 1944 г. была зафиксирована самая низкая рождаемость за все годы войны, отрицательный естественный прирост по республике составил 4005 чел. [9, л. 29]. На 1 января 1946 г. численность населения республики составляла 1469 тыс. чел. то есть, с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. общая численность населения снизилась до 146,8 тыс. чел. Если учесть, что механический прирост населения республики в это время составлял 55,3 тыс. чел. без учета прибывших извне во время войны, отрицательный рост численности населения составил 202,1 тыс. чел. В целом, наше исследование на основе изучения первичных данных текущего статистического учета показывает, что убыль среди населения в годы войны составила в республике 217,2 тыс. чел.

Нами были проведены исследования по выявлению темпа роста численности киргизского населения с 1939 г. по 1959 г. с использованием методов экстраполяционного исчисления [1, с. 187]. Для этого были привлечены еще и материалы переписи населения 1979 г., в которых впервые после переписи 1926 г. с учетом этнической структуры показан возрастной состав в 10-летнем интервале. Согласно нашим исследованиям, численность

рожденных среди киргизского населения за период 1939–1959 гг. условно по данным переписи населения в 1979 г. составила 376273 чел., а общий прирост киргизов за межпереписной период всего 82508 чел. Тем самым, среди киргизов, рожденных с 1939 г. по 1959 г. смертность превысила рождаемость, людские потери составили не менее 293765 чел. Основная часть установленных потерь относилась к периоду войны и можно предположить, что ранее установленная нами величина людских потерь в годы Великой Отечественной войны главным образом относится к коренному населению нашей республики.

Таким образом, в истории Кыргызстана на относительно коротком временном отрезке (1916–1945 гг.) восстание 1916 г., гражданская война, социалистические преобразования, Великая Отечественная война вызвали в демографической сфере кризисы, а в отдельных регионах — катастрофы, главными причинами которых явились необдуманные решения властных структур как на центральном, так и на региональном уровне. Прямым следствием стало кардинальное изменение этнокультурного пространства, нарушение эволюционного этнодемографического развития. И для объективной оценки пройденного пути в российско-советский период, необходимо, на наш взгляд, во-первых, осуществлять оценку реформ, проводимых в разные исторические эпохи, в человеческом измерении; во-вторых, учитывать, что зачастую реформы проводились под негласным лозунгом «цель оправдывает средства», и в их изучении разграничивать каждый этап реализации рассматриваемых реформ; в-третьих, проводить исследование на микроуровне, с учетом конкретной обстановки, поскольку на локальном уровне проявляется прямое воздействие географического пространства, в котором четко обозначенные границы (внешние и внутренние) могут со временем изменяться в связи с изменением административно-территориального устройства государства и его экономических, политических, культурных интересов.

Список источников

1. Батырбаева Ш. Д. Эпоха сталинизма в человеческом измерении. — М.: РОССПЭН, 2010. — 215 с.
2. Батырбаева Ш. Д. Теоретико-методологические аспекты исследования демографических последствий восстания 1916 г. в Северном Кыргызстане // Туркестанское восстание 1916 г. Факты и интерпретации. Мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Ю. А. Петров. — М.: [ИРИ РАН], 2016. — С. 38–51.
3. Доклад капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане. № 137. 9 апреля 1919 г. // Посев. — 2013. — № 2. — С. 20–21.
4. Исунов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 244 с.
5. Кронгардт Г. К. Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане // Восстание 1916 года в Кыргызстане. — Бишкек, 1993. — 75 с.

6. Протокол совещания под председательством Туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина по вопросу о выселении участников «киргизского» восстания из Пржевальского, Пишпекского и Джаркентского уездов Семиреченской области в Нарынский край. 16 октября 1916 г. // РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 43. Л. 5.

7. Резолюции общеказахского съезда. г. Оренбург, 21–26 июля 1917 г. // Движение Алаш. Сб. докум. и мат.-лов. — Алматы, 2004. — Т. 1. — 375 с.

8. Чокай-оглы Мустафа. Туркестан под властью Советов. Статьи, воспоминания. — Алма-Ата, 1993. — 300 с.

9. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 10 с. Д. 31. Л. 29.

Информация об авторе

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна — доктор исторических наук, профессор Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына (Кыргызская Республика, Бишкек, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе — 547 batyrbaeva@university.kg)

Batyrbayeva Sh. D.

Demographic Catastrophes in the First Half of the XX Century in Kyrgyzstan and their Effect on the Transformation of the Ethno-Cultural Space

The article is devoted to the study of demographic disasters in the first half of the 20th century. in the context of the transformation of the ethnocultural space of Kyrgyzstan. The urgency of the chosen problem is due to the fact that ethnodemographic aspects of the country's development remain out of the field of view. It is advisable to evaluate the history of Kyrgyzstan in the Russian-Soviet period in the human dimension. The reforms carried out determined the specific features of the formation of ethnocultural local communities and directly influenced the demographic situation. Having carried out comparative-comparative analysis of published and archival sources, population accounting materials, using the extrapolation method, it was established that the demographic losses among the Kyrgyz population in 1918–1920. exceeded the number of losses from Urkun; in the early 30-ies of the twentieth century. hunger at the regional level had the same scale as in Ukraine and the Volga region. Using the method of age shifts in retrospect to the materials of the 1979 census, the amount of natural growth of Kyrgyz from 1939 to 1959 was revealed, it was concluded that the losses among the entire population of Kyrgyzstan in the military and post-war years are mainly related to the indigenous population of our republic.

Keywords: Kyrgyzstan, demographic catastrophe, ethnocultural space, 20th century, famine, Kyrgyz

References

1. Batyrbayeva Sh. D. The era of Stalinism in the human dimension. — Moscow: ROSSPEN, 2010. — 215 p.

2. Batyrbayeva Sh. D. Theoretical and methodological aspects of the study of the demographic consequences of the 1916 uprising in Northern Kyrgyzstan // Turkestan Uprising of 1916: facts and interpretations. Materials of the Intern. sci. Conf. / otv. Ed. Yu. A. Petrov. — M. : [IRI RAS], 2016. — P. 38–51.

3. Report of Captain Bezobrazov to the Chief of Intelligence of the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief on the Civil War in Turkestan. No. 137. April 9, 1919 // Sowing. — 2013. — № 2. — P. 20–21.

4. Isupov V. A. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century: Historical and demographic essays. — Novosibirsk: The Siberian Chronograph, 2000. — 244 p.

5. Krongardt G. K. Demographic Aspects of the History of the Uprising of 1916 in Kyrgyzstan // The Uprising of 1916 in Kyrgyzstan. — Bishkek, 1993. — 75 p.

6. The minutes of the meeting chaired by Turkestan Governor-General A. N. Kuropatkin on the eviction of participants in the “Kyrgyz” uprising from the Przhevalsky, Pishpeksky and Jarkent districts of the Semirechye region to the Naryn region. October 16, 1916 // RGIA. F. 391. Op. 6. D. 43. L. 5.

7. Resolutions of the General Cossacks Congress. Orenburg, July 21–26, 1917 // Movement Alash: collection of documents and materials. — Almaty, 2004. — T. 1. — 375 p.

8. Chokai-ogly Mustafa. Turkestan under the rule of the Soviets. Articles, memories. — Alma-Ata, 1993. — 300 p.

9. TsGA KR. F. 105. Op. 10s. D. 31. L. 29.

Author

Batyrbayeva Shayyrkul Djoldoshevna — doctor of historical sciences, professor Kyrgyz National University named after. J. Balasagyna 720033, Bishkek, ul. Frunze — 547. E-mail: batyrbaeva@university.kg.